

ФАНТАСТИКА СТИВЕНА КИНГА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В статье рассматриваются особенности фантастической прозы современного американского прозаика Стивена Кинга. Автор приходит к выводу, что Кинг, опираясь на традиции мастеров прошлых лет, работавших в жанре фантастики и мистики, создал принципиально новую форму романа, синтезировавшего в себе элементы традиционной «готической прозы» и литературы «основного потока» («main stream»).

В этом году исполняется тридцать лет со времени опубликования первого романа Стивена Кинга – писателя, которого многие представители американского и мирового литературоведения называют сейчас классиком современной фантастики и мистики. Именно в 1974 году вышел в свет его роман «Кэрри» (Carrie), посвященный истории девушки-недотроги, обладающей даром телекинеза, который, в конце концов, губит не только саму главную героиню, но практически и весь небольшой американский городок, где происходит действие.

Стивен Кинг, родившийся в 1947 году, – профессиональный филолог, он долгое время работал преподавателем английского языка и литературы. Он влюблен в английский язык; виртуозно им владея, он буквально «упивается» Словом. Недаром во многих его произведениях главными героями выступают именно преподаватели английского языка. Так, описывая каждодневную работу учителя Мэтта Берка в романе «Салимов удел» (Salem's lot), Кинг во многом автобиографичен: «Он странствовал вдоль и вширь английского языка, как одинокий и странно благодушный древний мореход: Стейнбек – первый урок, Чосер – второй, тематические упражнения – третий и функции герундия перед самым ленчем» (1).

Фантастика – непреходящая любовь Кинга с самого раннего детства. Он вспоминает в своем эссе «Как писать книги», которому в русском переводе дан подзаголовок «Мемуары о ремесле», как 10-летним мальчишкой впервые услышал весть о запуске в космос русского спутника. Эта новость потрясла детское воображение. Первые свои рассказы о таинственных земных и инопланетных мирах Кинг написал в возрасте 10-12 лет. Своими учителями в литературе Кинг называет нескольких всемирно известных фантастов и мастеров рассказов о сверхъестественном. Это Роберт Блох и Рей Брэдбери, Айзек Азимов и Говард Лавкрафт, Франц Кафка и Артур Кларк.

Уже с романа «Кэрри» внимательным читателям стало ясно: история о затравленной

сверстниками-тинейджерами девушке – не просто «страшная сказка», написанная по законам жанра «horror» или в традициях «science fiction». Кинг выбрал для своего творения старую добрую форму «романа в письмах», дополнив его документами из книг, «написанных» по свежим следам разыгравшейся трагедии. Не в первый и не в последний раз в англоязычной литературе Кинг поднимает проблему детской и подростковой жестокости, заставляя задуматься о неимоверных муках маленьких людей, которые родились в чем-то «не такими, как все». Каждый поход в школу превращается для них в подлинную муку. Как только не издеваются над Кэрри ее сверстники! Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стал выпускной бал, на котором ее подвергли страшному унижению под громкий хохот одноклассников и учителей. Читателю ничуть не жалко уничтоженных Кэрри тинейджеров и горе-педагогов, ибо «мне отмщение, и аз воздам». Скорее, жалко саму несчастную, искалеченную физически и нравственными муками героиню, которая перед смертью испытывает одно-единственное желание: «Лишь бы только перевернуться на спину и увидеть звезды, взглянуть на них хоть разок и умереть» (2).

Реальность в этом первом романе Кинга настолько тесно переплетается с вымыслом, а трагические события так окрашены мрачным, специфически кинговским юмором, что можно с полной уверенностью говорить о том, что выход в свет этой книги положил начало новой эпохе в американской и мировой фантастической литературе.

В своих ранних романах Кинг эксплуатирует модные в 70-е годы ушедшего века теории паранормальных способностей людей. По сути дела, эти романы основаны на тех реальных фактах, которые не в состоянии объяснить современная наука. Кинг – постоянный читатель журналов, посвященных проблемам парапсихологии, из которых он и черпает сюжетную канву для многих своих произведений. Если в «Кэрри» описываются страшные последствия теле-

кинеза, то в романе «Воспламеняющая взглядом» (Firestarter) повествуется о девочке, родители которой до ее рождения приняли участие в некоем таинственном эксперименте, в результате которого маленькая Чарлин Макги приобретает сверхъестественные способности. Но, несмотря на то, что девочка Чарли может, если разгневется, выжечь огнем средних размеров город, она просто-напросто маленький ребенок, на которого свалилось много горя и зла. Она теряет родителей; на нее ведется охота таинственной Конторой; вера в людей полностью потеряна, – и все же сердце ее не ожесточается, она изо всех сил старается сдерживать свой страшный дар. И лишь когда сотрудники ФБР уничтожают ни в чем не повинных лошадей в конюшне, девочка дает волю своему гневу.

Кинг достиг подлинного мастерства в описании катастроф и разрушений. Сцена расправы Чарли с Конторой – одним из НИИ, поддомственных ФБР, – уже давно стала классической и включается во многие американские хрестоматии современной литературы. «Одно за другим оглушительно лопались оконные стекла. Плющ, который вился по восточной стороне особняка, заходил ходуном, во все стороны побежали огненные артерии. Краска задымилась, пошла пузырями, вспыхнула. Пламя взметнулось вверх двумя руками и словно сграбастало крышу. [...] Она дала импульс – все, на что была способна. Секунду ничего не происходило, только воздух заколебался, как бывало во время пикника с шашлыками, когда раскалятся угли. А затем особняк разнесло на куски» (3). Отечественный читатель, разумеется, не может не вспомнить при чтении этой сцены описания масштабных разрушений в «Гиперболоиде инженера Гарина» Алексея Толстого.

В романе «Мертвая зона» (The Dead Zone) писатель рассказывает о молодом человеке, впадшем после травмы в кому, перешедшую в пятилетнюю летаргию, после которой несчастный герой с типичным для англосаксов именем Джон Смит приобретает не вполне типичный дар: он становится ясновидящим. Но эти паранормальные способности приносят ему только горе и страдания: от него отшатываются самые близкие люди, а предприимчивые дельцы предлагают ему незавидную роль циркового уродца. Но жизнь сталкивает Джона Смита с еще более тяжким испытанием: он узнает, что один из беспринципных политиков, рвущихся к высшей в стране власти, развяжет в будущем атом-

ную войну. Это тайное знание толкает Джона Смита к тяжким раздумьям: «Предположим, что вы сели в машину времени и вернулись в тридцать второй год. В Германию. И предположим, вы встречаете Гитлера. Вы убьете его или оставите в живых?» (4)

Смит принимает решение убить новоявленного кандидата в Гитлеры. И хотя Грег Стилсон и остается в живых, а Джон Смит, сраженный пулей охранника, гибнет, но все равно карьера политика заглуплена безвозвратно: пытаясь спастись, он прикрывался от пули маленьким ребенком, выхваченным из толпы собственных поклонников.

Не обошел своим вниманием Кинг и вечно притягательную для фантастов тему пришельцев. Впечатляет его эпический роман «Томминокеры», в котором он продолжает лучшие традиции не только Герберта Уэллса, Жозефа Рони-старшего и Джона Кэмпбелла, но и своих старших и младших современников, таких как Альфред Ван-Вогт, Фредерик Браун, Эдмонд Гамильтон, Филип Дик, Клиффорд Саймак, – тех классиков фантастики, которые писали о столкновении с пришельцами, о «войне миров». Но Кинг сумел сказать свое слово в теме конфликта разумов. Его пришельцы недаром ассоциируются в романе с «томминокерами» – призраками погибших шахтеров, которые по ночам стучатся в дома к живым людям. Инопланетный корабль разбился на Земле задолго до появления на нашей планете человека, и лишь в наши дни его обнаруживают люди и – на свою беду – начинают раскопки. Застывшие в анабиозе обитатели корабля не могут вступить с людьми в открытую схватку, поэтому начинают телепатически воздействовать на обитателей маленького городка, превращая их в себе подобных.

Перекликается с романом «Томминокеры» и изданный недавно роман «Ловец снов» (Dreamcatcher), в котором описывается проникновение инопланетной субстанции в человеческий организм и рассказывается о борьбе четырех друзей детства с этой напастью. Кинг задается вопросом о природе Мирового зла,местилищем и проводником которого служат не только загадочные пришельцы, но и вполне обычные люди, представители homo sapiens. Бравые военные убивают таких же, как они, американцев, не особенно задумываясь над этическими и моральными проблемами, ибо убийство – это не просто часть выполняемой ими

работы, оно давно уже стало для них *modus vivendi*, вошло в плоть и кровь. Жить, не убивая, для них просто невозможно. Поэтому Кинг исследует в этом романе нравственную мутацию, которая, в конечном счете, страшнее, чем физическое перерождение, вызванное контактом с инопланетным организмом.

В вышеперечисленных произведениях Кинг выступает как представитель «*science fiction*», того жанра в литературе, который у нас не вполне точно переводят как «научная фантастика». Но научная фантастика – лишь одна из граней его разнообразного таланта. В своих произведениях, написанных в ключе традиционной англоязычной готической прозы, Кинг обращается к описанию жестокого и бескомпромиссного противостояния Добра и Зла. Уже в 1976 году Кинг издает роман «Салимов удел», который был написан им за несколько лет перед этим и ранее носил название «Второе пришествие». Этот роман продолжает лучшие традиции европейской прозы о вампирах. Сам Кинг признавался, что он «перекроил» на новый лад великий роман ирландца Брема Стокера «Дракула» (1897), считающийся непревзойденным образцом такого рода литературы. Наверное, «первым пришествием» вампира в литературу Кинг считал именно «Дракулу». Но Кинг создал нечто большее, чем адаптацию старого викторианского романа к американской реальности 70-х годов XX века.

В «Салимовом уделе», на наш взгляд, можно найти следы влияния баллады «Коринфская невеста» И.В. Гете, повести «Вампир» Д. Полидори и «Вампира» Д.Г. Байрона, страшных историй Э.Т. Гофмана. Если Стокер в качестве главного героя выбрал реального исторического персонажа – валашского (румынского) господаря Влада Цепеша, жившего в XV веке и ужасавшего тогдашний мир своими кровавыми злодеяниями, которые и снискали ему в румынском фольклоре славу вампира, то Кинг намеренно ничего не рассказывает о «человеческом» прошлом своего героя – вампира Барлоу. Если Дракула Стокера охотно повествует о своих подвигах, то Барлоу лишь намеками дает понять свою истинную значимость в легионах Тьмы. Этот вампир очень стар, он десятки или даже сотни раз менял имя. Сам Барлоу так намекает на свой невероятно старый возраст в заочном споре со священником Каллахэном: «Католическая церковь – не самый старинный мой противник. На заре ее возникно-

вения (когда последователи вашей веры скрывались в римских катакомбах и рисовали на груди рыб, чтобы отличать одного от другого), я был уже немолод» (5). Со своим слугой Стрейкером он расправляется по старому македонскому обычаю: повесив его вниз головой и перерезав горло. Так что читателю с фантазией остается лишь догадываться, из каких эпох и стран ведет свою генеалогию вампир Барлоу.

В этом романе – блестящем образце «черной прозы» – проявилось новаторство Кинга. Конечно, «Салимов удел» – роман ужасов, но эта характеристика ни в коей мере не исчерпывает его содержания. Кинг вкладывает в уста героев подлинно философские размышления о современной эпохе, о жгучих проблемах американской цивилизации, о неразрешимых противоречиях общества, ориентированного на безудержное потребление материальных благ.

Барлоу недаром прибыл в Новый свет, практически не знавший войн, в отличие от истерзанной старушки-Европы. Ведь ему нужна свежая и здоровая кровь, не испорченная эпидемиями, многовековыми муками, голодом и страданиями. Недаром он разглагольствует об этом перед очередной загнивающей им жертвой: «Люди этой страны никогда не знали ни голода, ни нужды... Они думают, будто познали печаль, но это – печаль дитяти, уронившего в день рождения мороженое на траву. В них нету... истощенности. Они с огромной энергией проливают кровь друг дружки. Народ тут по-прежнему богат и полнокровен, народ полон агрессии и темных страстей, столь необходимой для вурдалаков» (6). Многие в городке, куда прибыл Барлоу, осознают причину его появления именно в Америке. Инспектор Джиллеспи так говорит об этом: «Потому он и заявился сюда. Удел лет двадцать, а то и больше, такой же мертвый, как он сам. Вся страна катится туда же» (7).

Кинг – патриот своей страны, чувство любви к Америке прочитывается со страниц многих его произведений. Но он принадлежит к поколению американцев-шестидесятников, для которых слово «Вьетнам» значит то же самое, что «Афганистан» для граждан нашей страны в 80-е годы. Агрессия во Вьетнаме была бездумной и кровопролитной авантюрой, закончившейся для страны позором. Именно тогда американским интеллектуалам стало ясно, что с их родиной не все в порядке, ибо «прогнило что-то в Датском королевстве». Многое из того, что

было им дорого в Америке, умерло и ушло безвозвратно именно в то время.

Кинг в этом, как и во всех других романах, четко обозначает свою этическую позицию. Даже если герои терпят поражение в борьбе со Злом, автор на стороне Добра. Кинг отвергает чувство абсурдизма реальности, столь характерное для большинства фантастических произведений первой половины XX века. Для Кинга зло всегда остается злом, даже если оно порой и прикрывается романтическим флером. Тот же Барлоу даже перед неминуемым уничтожением пытается не только запугать писателя Бена Мирса, но и подчеркнуть собственное величие: «Смотри на Барлоу, который коротает столетия так, как ты короташь с книгой у камина часы. Смотри, смотри на великое творение ночи, которое ты лишишь жизни своей жалкой деревяшкой. Смотри, писака: я писал в жизнях человеческих, и чернилами мне служила кровь» (8). И все же Барлоу уходит в небытие, «второе пришествие» вампира не состоялось.

Вечно притягательной теме вампиров Кинг посвятил повесть «Летающий в ночи» и рассказ «Дедуля» из сборника «Ночные кошмары и фантастические видения». И здесь реальность тесно переплетена с вымыслом. И читателю неясно, кто же все-таки страшнее в рассказе «The Night Flier»: вампир, управляющий самолетом и навещающий маленькие аэропорты в поисках своих жертв, или же журналист бульварной газеты «Взгляд изнутри», всю свою жизнь охотившийся за кровавыми сенсациями и потерявший в этой охоте человеческий облик, став «лучшим боровом в газетном свиарнике».

Конечно, вампир с правами пилота – это оригинально. Такого в литературе ужасов еще не было. Но в рассказе «Дедуля» Кинг вновь переступает все каноны жанра и создает образ мальчика-вампира, потерявшего своего горячо любимого дедушку, отправившегося в магазин за игрушкой для него. Незадачливый похититель детей пытается похитить привлекательного мальчика, чтобы продать его в мусульманский гарем, но, разумеется, гибнет от гнева разъяренного вампира-«дедули». Кинг продолжает и в этом рассказе свои раздумья над феноменом любви и привязанности. Если в «Салимовом уделе» герои, охотящиеся за вампирами, приходят к выводу, что вампирам не подвластно чувство любви, то в этой новелле Кинг рисует вампира, который

обнаруживает чувство нежной привязанности к своему внуку.

Тема детства и его влияния на дальнейшую судьбу человека красной нитью проходит через многие вещи Кинга. Он часто задумывается над той бездной зла, что может таиться в детской душе. Впечатляет рассказ «Приведите маленьких детей», в котором «невинные детишки» довели своими выходками учительницу до сумасшествия. Кинг так описывает эти исчадия ада в коротких штанишках: «Их глаза были широкими и пустыми, но казались какими-то глубокими. Один улыбнулся, а другой с хитрой улыбкой сунул в рот пальцы. Две маленькие девочки обняли друг друга и захихикали» (9). В конце концов несчастная старая дева «убила двенадцать учеников и убила бы их всех», если бы ей не помешали.

Описывая отрицательных героев, ставших носителями зла, Кинг ищет его истоки именно в детстве. Маньяки-убийцы, насильники и психопаты – все они «родом из детства», все они стали в детские годы жертвами насилия или столкнулись с потусторонним ужасом.

Но в детские годы закладываются и лучшие черты человеческого характера, именно в эту пору жизни человек приобретает друзей, которые зачастую сопровождают его всю сознательную жизнь. Впечатляющей сагой о дружбе, зародившейся в детские годы и пронесенной через тяжелейшие жизненные испытания, является роман «Оно». Кинг сам признавался, что в этом романе он «исписал бесчисленное количество страниц» для описания загадок и тайн детской души.

Этот роман замешан на элементах научной фантастики, романа ужасов и реалистического романа. Многие страницы этой эпопеи заставляют вспомнить вещи У. Голдинга, У. Фолкнера, Дж. Фаулза, в которых тесно переплетаются обыденное и потустороннее. И в этом романе Кинг – замечательный рассказчик, великий мастер построения интриги. Он сам сравнивал себя с Э.Р. Берроузом, известным своими эпопеями о Тарзане и марсианах. Но хотя произведения Берроуза далеки от литературного совершенства, они, тем не менее, очень увлекательны. И роман «Оно» Кинга сразу захватывает читателя, заставляя сопереживать героям – маленьким детям, вступившим в схватку с безымянным инопланетным ужасом, способным принимать любые, самые страшные для детского восприятия формы. То этот ужас появля-

ется в образе отвратительного прокаженного, то в образе оборотня, но более всего ему нравится появляться в образе симпатяги-клоуна, который развлекает детишек шутками и островами и постепенно заманивает их за собой в сеть подземных туннелей под городком Дерри. Детишки бесследно исчезают, и лишь иногда их обглоданные кости находит полиция.

Семь детей-подростков, очень разных по характеру, едины в одном: все они в разной степени пострадали от таинственного монстра и хотят избавиться от его влияния родной город. Но взрослые, к их удивлению, не замечают ничего: ни льющейся крови, ни ужасных посланий чудовища, ни всеобщего страха, охватившего их детей. И тогда дети спускаются в логово чудовища, и происходит чудо: монстр боится их. Им даже удается ранить это существо. Оно скрывается в подземных туннелях на долгие годы.

Повзрослев, герои уехали из городка. Там остался жить лишь один из друзей – чернокожий Майкл Хенлон, ставший библиотекарем и «хранителем огня» их дружбы. Именно он собирает всех вместе, когда понимает, что Оно вернулось...

От этого романа, как и от большинства произведений Кинга, невозможно оторваться. Для российского читателя его вещи еще и несут в себе большую информационную нагрузку, представляя в совокупности некую эпопею американской действительности начиная с 50-х годов XX века и вплоть до наших дней. Кроме того, следует отметить и замечательное чувство Истории, присущее этому романисту. Кинг превосходно чувствует то, что чаще всего называют «дух времени». Его экскурсии в прошлое превосходно стилизованы, что неоднократно отмечалось специалистами и критиками.

Невозможно не упомянуть и еще одну ведущую тему в творчестве Кинга, которой он непосредственно посвятил несколько произведений, а косвенно затронул в нескольких своих вещах. Это проблема раздвоения личности. Здесь Кинг опирается на мощные традиции в мировой литературе. Он сам называет Ф.М. Достоевского, Р.Л. Стивенсона и У. Фолкнера. В романе Кинга «Темная половина» и повести «Потаенное окно, потаенный сад» явственно видны следы влияния великолепной вещи Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». У Стивенсона Добро и Зло уживаются в одном человеке – викторианском

джентльмене, докторе Джекиле, который изобретает снадобье, высвобождающее его злое alter ego, «второе я». Превращаясь на несколько часов в кровожадного мистера Хайда, Джекил с упоением творит злодеяния и в конце концов погибает.

Кинг часто пишет о писателях и том таинственном внутреннем мире, из которого рождаются образы, своей реальностью затмевающие порой самого их создателя. Он любит размышлять об опасностях писательского ремесла, главная из которых состоит в возможности проникновения созданного фантазией писателя мира в мир реальный. Эту идею Кинг успешно эксплуатирует в «Темной половине», герой которой писатель Тед Бюмонт несколько лет писал успешные, но невероятно жестокие и кровавые триллеры под псевдонимом Джордж Старк. Когда он решил прекратить это занятие, его литературный двойник «опротестовал» это решение, и полилась кровь невинных людей. «Темная половина» писателя обрела самостоятельную жизнь.

Герой повести «Потаенное окно, потаенный сад» писатель Морт Рейни однажды вынужден принять у себя в доме гостя, который обвиняет его в краже рассказа. Возмущенный прозаик полон решимости доказать свое авторство, но вскоре выясняется, что это не так-то просто... Вся эта история заканчивается трагически и заставляет читателя еще раз поразмышлять о чуть ли не наркотической притягательности творчества и о тех сложных отношениях, которые порой складываются у писателя с сотворенными им героями.

Стивена Кинга часто обвиняли в том, что, гонясь за барышом, он потворствует самым низким вкусам и стремлениям читателя. Действительно, «страшные сказки» Кинга издаются фантастическими тиражами, годовой доход Мастера превышает 40 миллионов долларов. Сам Кинг пишет: «Деньги – прекрасная вещь, но ради них я не написал ни строчки, иначе я был бы просто обезьяной. Моя цель – доставить удовольствие себе и Вам, Постоянный читатель, от новой истории. Все дело в том, что не писать я не могу».

Кинг широко известен и как создатель интеллектуальных триллеров, детективов, социально-бытовых романов и повестей. Но в современную американскую литературу он вошел прежде всего как автор, пишущий в русле фантастики и мистики. Опираясь на традиции

мастеров прошлых лет, он создал принципиально новую форму фантастического и мистического произведения, синтезировав традиционную «готику» с литературой «основного потока» («main stream»). Официальное советское литературоведение с его снобизмом и высокомерием вообще не считало фантастику и мистику литературой, игнорируя ее как в академических историях литературы, так и в университетских курсах. При этом забывали и о традициях отечественной мистики и фантастики, пусть и не особо богатой по сравнению с англоязычной, но все же представленной име-

нами Н.В. Гоголя, А.К. Толстого, И.С. Тургенева, А.И. Куприна, В. Иванова, А. Грина. Ведь все жанры хороши, кроме скучного. Фантастика не дает заснуть разуму. Сон разума, как известно, рождает чудовищ. Фантастика будит разум.

Лучшие вещи Стивена Кинга не только будят разум, они еще и дают ему мощную «подпитку», «информацию к размышлению». Думается, что в истории американской литературы конца XX – начала XXI века многоаспектное и разностороннее творчество Стивена Кинга займет одно из ведущих мест.

Список использованной литературы:

1. Кинг Стивен. Салимов Удел. М.: «Баркляя и К», 1992. С. 80.
2. Кинг Стивен. Кэрри: Повести и рассказы. М.: «Зяблов и сын», 1993. С. 180.
3. Кинг Стивен. Мертвая зона; Воспламеняющая взглядом. М.: Вагриус, 1993. С. 503-504.
4. Кинг Стивен. Мертвая зона; Воспламеняющая взглядом. М.: Вагриус, 1993. С. 195.
5. Кинг Стивен. Салимов Удел. М.: «Баркляя и К», 1992. С. 367.
6. Кинг Стивен. Салимов Удел. М.: «Баркляя и К», 1992. С. 262-263.
7. Кинг Стивен. Салимов Удел. М.: «Баркляя и К», 1992. С. 438.
8. Кинг Стивен. Салимов Удел. М.: «Баркляя и К», 1992. С. 449.
9. Кинг Стивен. Ночные кошмары и фантастические видения. М., 1994. С. 92.